

МЫ ВСЕ ПОДВЕРГАЕМ СОМНЕНИЮ ДЕНИ ФЛАЖОЛЕ, DE BETHUNE

De Bethune,
DB25 T Zodiac, 2015

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

все в часах может быть
усовершенствовано

Дени Флажоле — один из основателей марки De Bethune. Француз, потомственный часовщик, учившийся в Швейцарии, он известен как один из наиболее вдумчивых и серьезных часовых инженеров, интересующихся самими основами ремесла. Мне приходилось видеться с ним в разных ситуациях — и на часовых салонах, и в жюри женевского часового конкурса Grand Prix d'Horlogerie de Geneve, эти встречи помогли мне разобраться в философии часового искусства.

— Как началась марка De Bethune?

— С нашей дружбы с Давидом Занеттой. Однажды мы поспорили с ним, что же такое теперь наручные часы? Как они должны выглядеть, что уметь? И мы решили сделать такие часы, какие мы хотим, просто для удовольствия, совсем не зная, что потом появится De Bethune.

— Ваши взгляды на часовое искусство совпали?

— Давид Занетта знает часы назубок, потому что он собирал часовые коллекции для больших музеев и часовых коллекционеров, ну а я работал реставратором и повидал на своем веку много замечательных старинных механизмов. Мы сложили вместе его образованность, его культуру и мои технические знания и решили разработать целую коллекцию часов. Это было самое начало новой часовой марки. Правда, в этой марке нас было всего двое — я и Давид, а потом всего трое — к нам присоединился еще один часовщик. Сначала мы решили создать маленькую часовую мастерскую, но очень быстро столкнулись с проблемой: мы поняли, что для того, что мы хотим сделать, на рынке нет механизмов. Те, что тогда были, не соответствовали нашим взглядам и требованиям.

— И начали с того, чем другие заканчивают, — с разработки собственного механизма?

— Куда же было деваться? У нас не было задачи «сделать марку» и начать добавлять свои, пусть интересные, модули к базовым покупным механизмам. Мы даже не вспоминали о маркетинге. Мы начинали с главного — с базового механизма, раз его нет, его надо выдумать. Это же ясно. И эта свобода, которую мы себе дали, возможность все пере придумать, пересчитать, перепроектировать, позволила нам создать по-настоящему современный механизм, который к тому же готов был принимать усложнения. И поскольку у нас не было обязанности использовать стандартные покупные детали, мы могли делать так, как мы хотели, руки у нас были развязаны. Так появились часы DB-1.

— Ваши первые часы существовали в скольких экземплярах?

— Мы сделали тридцать штук.

— И их быстро купили?

— Мгновенно. Давид показывал их своим друзьям, а друзей у него куда больше, чем было часов. Не всем досталось, я думаю. Друзья вдохновились и посоветовали делать марку. Но сделать марку — значит найти в наручных часах то, что никто не делал раньше. Я упрям, я из семьи деревенских часовщиков в Вогезах, мои предки все делали сами. Сейчас многие марки и многие часовщики жируют на доставшихся им даром часовых традициях. Они забывают, что часы были не игрушкой, а инструментом для измерения времени. Вот мы с Давидом и пошли назад. У нас были образцы — прекрасные настольные и напольные часы, мы видели великолепные вещи у Бреге. В карманных часах традиции поддерживались, но с момента перехода к наручным, честно говоря, осталось мало чего настоящего, удивительного, исключительного.

— Вы смелый человек, если в 1980-м решили сделать часы, которые еще никто делал. Кажется, к тому времени уже перепробовали все, что только можно.

— Часовщики слишком быстро остановились. А после кварцевого кризиса 1970-х годов стали еще осторожнее. Я знаю о чем говорю. Тем более сейчас, когда большие марки не могут по-настоящему рисковать — и в техническом, и в эстетическом смысле. Зато мы все подвергаем сомнению, мы в постоянном поиске, в работе над материалами, над функцией — все может быть усовершенствовано.

— Чего же, по-вашему, не хватает?

— Послушайте, механическое искусство остановилось. Марки начали развивать технику усложнений. Это, конечно, любопытно, но гораздо труднее заниматься развитием базового, традиционного часового механизма, который казался простым и изученным. А ведь здесь есть над чем поразмыслить. Технология сильно изменилась, у нас есть другие возможности расчета, мы можем моделировать работу механизма и придумывать вещи, которые значительно его усовершенствуют. Столько всего еще предстоит сделать в часовом спуске, в колесной передаче, в креплении и амортизации шестеренок! Это целая вселенная.

— Как происходит ваша работа над новыми моделями?

— Так же, как и над первыми. Это наши разговоры с Давидом. Он приходит ко мне и говорит: «Я мечтаю о такой вот небывалой вещи». Он рассказывает, рисует, потом мы переходим к компьютеру, проектируем, делаем прототип, носимся с ним, обдумываем, что получилось. Понимаете, в каждой нашей вещи есть какая-то неразрешимая проблема, и как же интересно ее решить!

Беседовал Алексей Тарханов